

— Ханьчи... — позвал кто-то.

Мо Ханьчи обернулся, но никого не увидел. Кругом лишь тьма, лишенная сторон света. В этой пустоте чьи-то руки вцепились в него, увлекая на дно кровавого озера, разверзшегося под ногами. Он пытался ухватиться хоть за что-нибудь, но опоры не было — оставалось лишь бессильно позволить тащить себя в алую бездну.

Внезапно впереди вспыхнул свет. Еще одна рука крепко перехватила его, вытягивая обратно на берег. Увидев того, кто пришел на помощь, Мо Ханьчи почувствовал, как сердце наполнилось теплом.

— Где же ты был? — спросил он.

Но стоило словам сорваться с губ, как из теней вынырнули жуткие демоны. Ло Си заслонил его собой. Он улыбался, глядя на Ханьчи, но не произносил ни слова.

— Да скажи же хоть что-нибудь! — в тревоге воскликнул Мо Ханьчи.

Тот продолжал смотреть на него с тихой улыбкой. Спустя долгое время он едва слышно спросил:

— Тебе уже лучше?

Мо Ханьчи кивнул. В тот же миг перед глазами за клубился алый туман, и родной силуэт начал медленно таять.

— Ну и славно... Тебе пора возвращаться.

— Пстой! Ты куда? — Мо Ханьчи рванулся вперед, но схватил лишь пустоту.

— Жду, когда ты найдешь меня.

Мо Ханьчи открыл глаза. Сознание возвращалось медленно, в тумане. Прямо перед ним возникло измученное детское личико. Бай У бросился к нему на шею и зарылся лицом в грудь, содрогаясь в рыданиях.

— О ком мне прикажешь заботиться, если ты умрешь? — сквозь слезы причитал ребенок.

— Бай У... — Мо Ханьчи почувствовал, как в его янтарных глазах вновь затеплилась жизнь. Он слабо похлопал мальчика по спине.

— Тебя лечил заместитель главы Цинь. Он велел, как только очнешься, сразу идти к нему, — Бай У не решался продолжать. Он боялся даже вскользь упомянуть то имя.

— Помоги мне сменить одежду, — Мо Ханьчи ласково коснулся головы ребенка.

— Тебе правда лучше? — Бай У уставился на него с нескрываемым сомнением.

— Правда.

— Совсем-совсем? — Мальчик разжал руки, но все равно не сводил с него глаз, боясь выпустить из виду хоть на миг.

Мо Ханьчи через силу улыбнулся. Лицо его оставалось мертвенно-бледным. Бай У, пятась к шкафу и не прекращая наблюдения, выудил оттуда ярко-красное одеяние.

— Слишком броско, — покачал головой Мо Ханьчи.

Тогда Бай У достал халат цвета слоновой кости. Ханьчи кивнул и принялся медленно одеваться. Раньше он не любил светлые ткани, считая их слишком маркими. Но теперь ему хотелось лишь покоя — тишины, способной заглушить в голове те болезненные образы, от которых разрывалось сердце. Жизнь или смерть... теперь это казалось не столь важным. Душа его словно очистилась, обретая холодную ясность.

Черные волосы рассыпались по плечам. Мо Ханьчи, всегда отличавшийся некоторой небрежностью в облике, на этот раз приводил себя в порядок с безупречной тщательностью. Среди темных прядей изредка проглядывала седина. Сердце Бай У сжалось от жалости, но Мо Ханьчи безжалостно вырвал седые волоски.

— Так я буду выглядеть бодрее. Раньше Ло Си всегда следил, чтобы я был опрятен, а я вечно ходил в чем попало. Честно говоря, я даже завидовал ему — он во всем был безупречен, куда бы ни пришел, все взгляды принадлежали ему. Я нарочно не следил за собой, чтобы хоть как-то выделяться на его фоне. Теперь... теперь в этом нет нужды. У него остались незавершенные дела, и закончить их могу только я. Нельзя допустить, чтобы нас, как прежде, презирали.

Мо Ханьчи поднялся — высокий, статный, облаченный в безукоризненно белое. Уголки его губ едва заметно дрогнули, явив намек на прежние ямочки, но взгляд некогда веселых глаз остался холодным. Он нашел в комнате Ло Си персиковую шпильку и аккуратно заколол волосы. В черной копне, спускавшейся до самой талии, все же поблескивали редкие белые нити.

— Я пойду к заместителю главы Циню. Жди меня здесь, — он ласково погладил Бай У по голове, успокаивая, и впервые за несколько дней переступил порог дома.

\*\*\*

Цинь Синчжи знал, что он придет. На почетном месте в главном зале уже стоял Девятигранный кубок.

— Благодарю за спасение моей жизни, заместитель главы Цинь, — Мо Ханьчи почтительно поклонился.

Тот небрежно махнул рукой.

— Оставь формальности. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

— Слушаю вас.

Цинь Синчжи указал на артефакт:

— В тот день старейшина Цанлань пришел ко мне. Он просил за тебя, умолял избавить от яда гу, что посадили тебе мерзавцы из школы Гулао. Я, Цинь Синчжи, никогда не работаю даром, и ценой за мою помощь стал этот Девятигранный кубок Черного дракона. Вещь редкая, добыть ее непросто, но для практика уровня старейшины Цанланя это не должно было стать смертным приговором. Тем более что его ждало вознесение... Оно случилось внезапно. Я подозреваю, что еще до того, как отправиться за кубком, старейшина был тяжело ранен. Это и привело к его падению.

Цинь Синчжи тяжело вздохнул, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление.

Мо Ханьчи знал, что уход Ло Си связан с ним, но не представлял, какой ценой была куплена его жизнь. Горе нахлынуло с новой силой, он не смел больше смотреть на проклятый кубок. Долгое время он не мог выдать ни слова, подавляя душащую его горечь. Наконец, он глухо произнес:

— Вот оно что... Значит, это я его погубил.

Видя, как тот терзается, Цинь Синчжи возразил:

— Окажись вы на его месте, Мо-гунцзы, неужели вы бы спокойно смотрели, как старейшина угасает от яда?

— Не нужно меня утешать. Называйте меня просто Ханьчи. Вы ведь и сами понимаете... Для Куньлуня я — фигура незначительная. Все, на что я годен — лечить простых людей. Ло Си был другим. С того самого дня, как он переступил порог ордена, все старейшины и сам глава возлагали на него великие надежды. Достичь стадии Зарождающейся Души за пять лет — за

последние тысячелетия он был первым. Сейчас, когда столицы демонов и оборотней объединились, праведные ордена слабеют, нам как никогда нужны такие люди. Но он погиб... И все из-за моей бесполезности.

Взгляд Мо Ханьчи снова потух. Цинь Синчжи, напротив, вскипел. Он с грохотом хлопнул ладонью по столу, не скрывая возмущения. Не в силах больше сидеть, он вскочил и принялся мерить зал шагами, после чего замер перед Мо Ханьчи.

— Ты совсем его не понимал! — прогремел его голос. — Ваша связь не была объявлена официально, но для него вы были ближе, чем кто-либо другой. И плевать ему было на спасение мира! Не смей приплетать сюда свои великие доктрины. Скажу тебе прямо: моя жена — обычная смертная. Она не смыслит в самосовершенствовании, но ради нее я готов пойти против самой воли Небес. Она для меня — всё, она для меня — и есть весь орден Снежного Лотоса! Если ей не суждено пережить свой век, я без раздумий отброшу этот путь, лишусь своей силы и уйду вслед за ней. Чтобы в следующей жизни снова быть рядом.

Мо Ханьчи долго стоял, погруженный в раздумья. Наконец, он поднял голову, и в его глазах вновь забрезжил свет.

— Спасибо.

Взгляд его обрел прежнюю твердость.

— Заместитель главы Цинь, я не хочу больше ждать. Нам пора выступать, чтобы встретиться со Священным Государем.

Тот одобрительно кивнул.

Мо Ханьчи вернулся в свою комнату.

— Бай У, — позвал он, — собирай вещи. Мы отправляемся в Столицу оборотней.

— Но ты еще не оправился! — возразил мальчик.

— Мы должны поспешить. Нужно найти Лянь Ланя и встретиться со Священным Государем. Спасение старшего брата Фэн Юэ сейчас важнее всего.

— Ханьчи... — Бай У с тревогой дважды позвал его по имени.

Мо Ханьчи обернулся и улыбнулся:

— Со мной правда все в порядке.

— А как же... вещи в этой комнате? — Бай У по-прежнему не решался назвать покойного по имени.

— Вещи Ло Си? — переспросил Мо Ханьчи. Он видел страх ребенка и понял, как несправедливо было заставлять его так долго мучиться неизвестностью. — Сожги их. Нам будет неудобно брать их с собой. К тому же там, где он сейчас, они ему не понадобятся.

Он окинул комнату прощальным взглядом. Внезапно вспомнив о чем-то важном, Мо Ханьчи сел за письменный стол и быстро набросал несколько строк. Взмах руки — и из струйки лазурного дыма соткалась маленькая птица. Схватив записку клювом, она в мгновение ока исчезла.

— Что ты написал? — любопытствовал Бай У.

— Лэн Ушуан ушел, Ло Си погиб. Я сообщил об этом главе ордена и просил прислать в Яоду подкрепление. Фэн Юэ должен быть спасен любой ценой. Это было и желанием Ло Си. Он знал, как сильно я хочу вызволить брата, и боялся, что из-за яда гу со мной что-то случится... потому и обратился к Цинь Синчжи. Если я не спасу брата, все его жертвы будут напрасны.

Бай У с грустной миной принялся складывать одежду Ло Си, как вдруг из вещей что-то выпало. Глухой звук заставил Мо Ханьчи вздрогнуть. Он поднял глаза и замер, глядя на лежащий на полу старинный браслет.

Мальчик подобрал его и протянул Мо Ханьчи. Тот вспомнил... это был тот самый подарок, который он когда-то наотрез отказался принять. Ханьчи направил в браслет поток своей истинной сущности. Украшение медленно поднялось в воздух, окутавшись холодным сиянием. Мо Ханьчи проколол кончик пальца, и капля крови упала на металл. Браслет качнулся и вдруг превратился в маленькую черную змейку. Она обвилась вокруг запястья Ханьчи, на миг ожила, кусая себя за хвост, и снова застыла тяжелым черным обручем.

Бай У изумленно захлопал глазами и коснулся украшения. На ощупь оно напоминало холодную поверхность черного нефрита. Мо Ханьчи сосредоточился и почувствовал внутри браслета обширное пространство. Теперь предназначение [Браслета Кунью] стало ясным. Внутри обнаружилось множество пилюль и духовных камней среднего качества.

Он посмотрел на Бай У и тихо прошептал:

— Ло Си... ты, глупец. Снова ничего мне не сказал.